

УДК 903.02"653"(470.61)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МАРТЫШКИНА БАЛКА (КОЙСУГСКОЕ) (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

© 2009 г. А.Н. Масловский¹

Проанализирован керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) – на настоящий момент эталонный для целой группы памятников левобережья низовьев Дона, относящихся к первому, наименее изученному этапу существования оседлой жизни на территории Золотой Орды. Дается краткий обзор всех групп керамики местного и импортного производства, их технологии, эволюции и хронологии. Выделены черты комплекса, отличающие его от синхронных ранних материалов Азака и поселений Северо-Западного Приазовья, которые в первую очередь обусловлены этнокультурными различиями. Сделан вывод о появлении данной группы поселений в результате целенаправленной политики властей Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, амфоры.

В изучении Золотой Орды одной из самых интересных и малоизученных является проблема появления оседлого населения в степи в середине XIII – начале XIV вв., в особенности сельских поселений. Низовья Дона и Приазовье до некоторой степени являются исключением, хотя и здесь памятники этого периода исследованы далеко не достаточно. На настоящее время в данном регионе известно свыше 20 поселений этого хронологического отрезка, которые четко разделяются на две территориальные группы. Первую образуют приморские поселения Северного Приазовья. Их материальная культура, хотя и кратко, охарактеризована в целом ряде работ [1–10].

Во вторую группу входят памятники, расположенные на левобережной надпойменной террасе Дона и в долине Кагальника (Скопин курган, Пешково 1, 4, 5, Зелёный 1, Платоно-Петровка 1, 2 и др.). Сюда же следует отнести Новомаргаритовское поселение на берегу моря в устье реки Мокрой Чубурки и поселение Донской 1 в дельте Дона. Памятники этой группы изучены намного хуже, почти исключительно по сборам [11–13]. На большинстве из них находки середины 2-й пол. XIII в. составляют лишь небольшой процент среди материалов XIV века, что затрудняет их анализ. Это отличает их от большинства приморских поселений, прекративших свое существование еще до конца XIII в. [2]. На некоторых присутствуют и материалы домонгольского времени (Новомаргаритовское, Донской, Пешково 1). Среди немногих памятников Левобережья Низовьев Дона, на которых жизнь угасла не позднее начала XIV в., только для поселения Мартышкина балка (Койсугское) имеется достаточно большой объем материалов для подроб-

ного исследования. Именно это поселение должно стать отправной точкой в изучении становления сельской округи золотоордынского Азака, на территории которого в последнее время также выделены материалы 2-й пол. XIII в. [14].

Значительные сборы на поселении Мартышкина балка (Койсугском) были сделаны в конце 1970-х гг. сотрудниками Ростовского областного музея краеведения (далее – РОМК): И.В. Белинским, П.А. Ларенком, С.А. Яценко (коллекции РОМК КП4533, 4865, 5507, 6233). В 1990 г. небольшие сборы были сделаны сотрудником Азовского музея Е.В. Козюменко (коллекция Азовского музея-заповедника (далее – АМЗ) 26571). В 1994–1995 гг. здесь проводились раскопки и сборы экспедицией Азовского музея (руководитель И.В. Гудименко, коллекции АМЗ КП26475, 27141). Изучали преимущественно синхронный поселению грунтовый могильник Мартышкина балка².

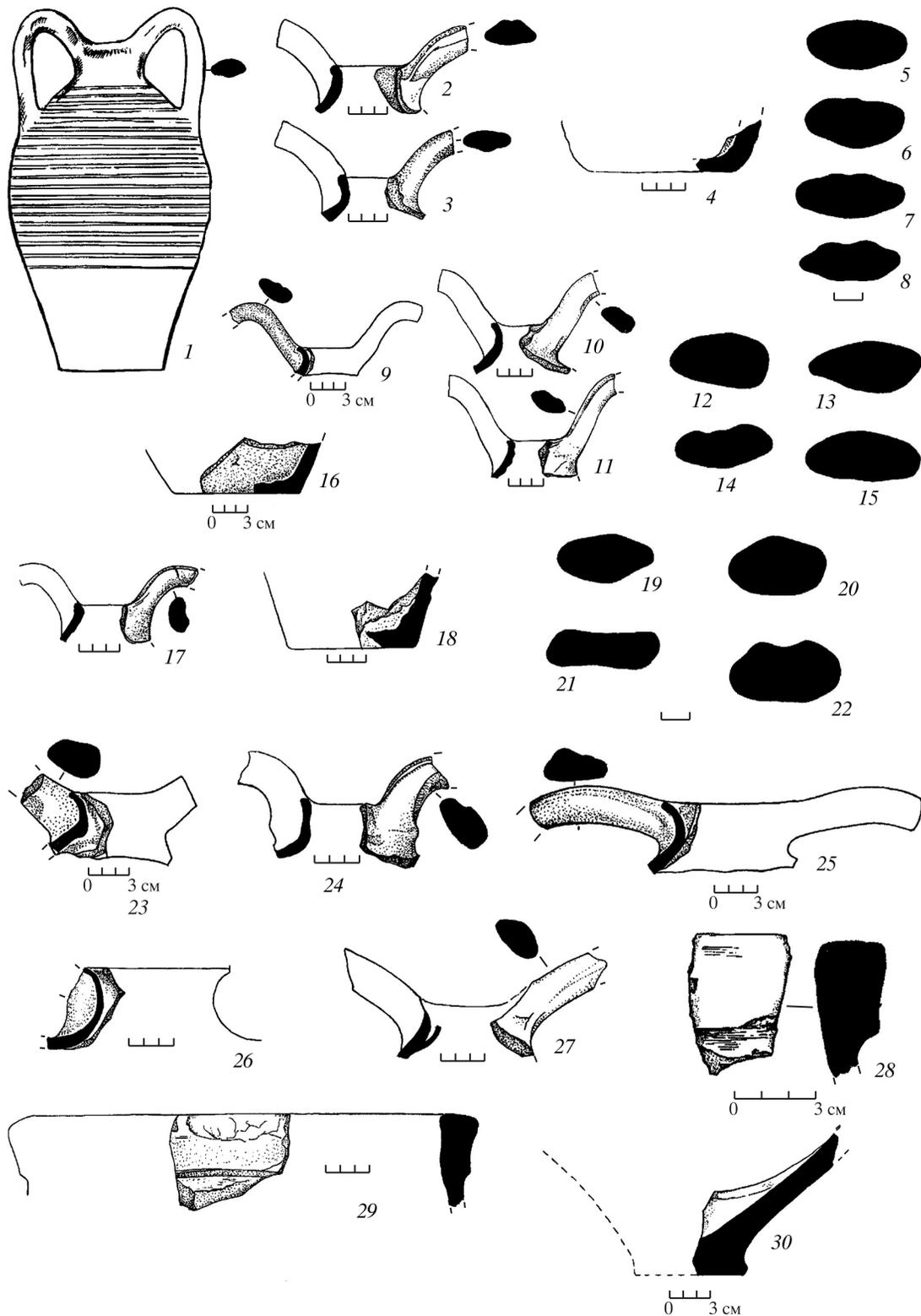
Всего было проанализировано 1017 фрагментов керамики³. Подавляющее их большинство (свыше 900) происходит из сборов⁴. Далекое не все они мог-

²Памятник получил второе название в связи с тем, что Мартышкина балка ограничивает поселение с запада. Этот топоним может быть связан только с этим конкретным памятником. Шифр же «Койсугское поселение» имеет коллекция РОМК ещё с одного поселения, местоположение которого автору неизвестно. В фондах АМЗ также есть материалы в шифром «Койсуг», без уточнения местоположения поселений.

³При анализе использовались методика и терминология, разработанные А.А. Бобринским [15].

⁴Исследованные на поселении жилища не могут считаться закрытыми комплексами, поскольку заполнялись достаточно длительный отрезок времени. Находки из них по составу не отличались от материалов из сборов и друг от друга. Культурный слой был распахан на всю толщину, и в поверхностных материалах представлена вся история памятника. Поэтому считаем, что коллекция в целом является случайной выборкой и должна рассматриваться совокупно.

¹ Государственное областное учреждение культуры «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов, e-mail: musey@aanet.ru.

Рис. 1. Керамика Койсугского поселения. 1–22 – амфоры группы клейма SSS (1 – общий вид, реконструкция; 2–8 – подгруппа Г; 9–15 – подгруппа В; 16–22 – подгруппа А–Б); 23–27 – амфоры «трапезундской» группы; 28–30 – пифосы

ли быть надежно определены. К тому же коллекции из РОМК просматривались автором достаточно давно. В настоящее время памятник недоступен для исследования, и серьезного увеличения объемов коллекций в будущем не предвидится. Однако считаем, что имеющихся материалов достаточно для построения классификации и статистических подсчетов.

Основную массу находок составляют 8 групп керамики, в которые выделяется продукция одного или нескольких близкородственных центров. Подобная группировка производится на основании изучения суммы технологических навыков, использованных гончарами того или иного центра⁵. На других синхронных памятниках Восточного Приазовья представлены те же группы керамики. Меняется только их процентное соотношение. Почти все фрагменты принадлежат круговым сосудам и лишь единичные – лепным.

Наиболее многочисленны амфоры группы клейма SSS – 369 фрагментов (36,3%) (рис. 1, 1–22) (табл. 1). Группа была выделена и неоднократно описана И.В. Волковым [16–18]. Им же на основе изменения технологических приемов была разработана дробная хронология. В последней работе на основании главным образом состава формовочных масс были выделены подгруппы [18]. Наиболее многочисленны эти амфоры на поселениях Приазовья середины XIII в. [2]. Они встречены также почти во всех русских городах XII–XIII вв. [19]. В материалах из Судака и Восточного Крыма встречаются единичные находки этой группы⁶. В большом количестве они встречены в наиболее ранних комплексах Азака [14].

Предложенная И.В. Волковым локализация места их производства в Палестине основывается как на прочтении клейма латинских букв, так и на логических построениях [18], которые, на наш взгляд, содержат слабые места. Предложена альтернативная локализация их производства в пределах Западной Грузии, основанная на прочтении клейма как букв армянского алфавита и анализе экономических и политических реалий Причерноморского региона данного периода [20].

Для амфор всех производственных центров этой группы середины 2-й пол. XIII в. характерны следующие признаки. 1. Сосуды изготовлены вытягиванием из комка глины по донно-емкост-

⁵ Гончарные центры считаем близкородственными, если в них использовались одинаковые не только основные, но и второстепенные технологические приемы, например способ крепления ручки, а также с близкой морфологией сосудов и различающихся в основном по особенностям формовочной массы и цвету черепка.

⁶ Выражаем благодарность за возможность просмотреть массовый материал С.Г. Бочарову.

Таблица 1. Количественное соотношение групп керамики на поселении Мартышкина Балка (Койсугское)

Группа керамики	Число фрагментов	%
Амфоры группы клейма SSS	369	36,3
Амфоры трапезундской группы	107	10,5
Амфоры триллийской группы	3	0,3
Пифосы	35	3,4
1-я группа постсалтовской гончарной традиции	209	20,6
2-я группа постсалтовской гончарной традиции	41	4
3-я группа постсалтовской гончарной традиции	27	2,7
Группа Азака	66	6,5
Группа ЮВ Крыма	9	0,9
Древнерусская группа	1	0,1
Прочая круговая керамика	143	14,1
Лепная керамика	7	0,7
Всего	1017	100

ной программе с отдельно изготовленным дном (РФК-6). 2. Формовочные массы позволяют выделить несколько подгрупп. Однако для всех них характерны довольно грубые по фактуре глины с крупными отощителями. Наиболее стабильно отмечается небольшая естественная примесь крупных овальных твердых блестящих частиц темно-коричневого цвета с размерами от 1–2 до 5 мм. 3. Рифление выполнено редкими желобками при помощи резца, но найдено на меньшинстве образцов. 4. Стандартна и своеобразна профилировка верхней части сосуда с высоко поднятыми над горлом ручками. Хотя все фрагменты с Койсугского поселения мелкие, материалы из других памятников позволяют сделать усредненную реконструкцию формы сосуда. Это небольшие яйцевидные сосуды с плоским дном (рис. 1, 1). 5. Для большинства подгрупп характерен языковидный наплыв, образовавшийся при креплении верхнего края ручки к венчику «внахлест» на внутренней стороне горла.

Кроме амфор среди продукции группы отмечены кухонные горшки, но на поселении Мартышкина Балка (Койсугском) они не обнаружены.

Подгруппы А-Б (светло и темно-коричневые) – 133 ед. (рис. 1, 16–22). По своим характеристикам их продукция очень близка друг к другу и не всегда может быть отнесена к конкретной подгруппе. В формовочной массе, как правило, хорошо заметна примесь золотистых чешуек. Черепок оттенков коричневого цвета. Иногда на поверхности фиксируется ангоб. По концентрации примесей, цветности черепка, цвету ангоба и профилировке ручек выделяется два производственных центра,

но в дальнейшем возможно выделение большего их числа.

Подгруппа В (красная) – 107 ед. (рис. 1, 9–15). Глины не содержат заметных примесей, кроме овальных коричневых включений. Черепок красно-оранжевого цвета.

Подгруппа Г (с черным песком) – 111 ед. (рис. 1, 2–8). Глина содержит среднего размера черный песок. Черепок красно-оранжевый. На дне сосудов следы зольной подсыпки.

Продукция еще нескольких центров представлена немногочисленными сериями. Примерно такое же соотношение подгрупп характерно для других поселений округа Азака.

Незадолго до монгольского завоевания Восточной Европы в производстве этой группы амфор происходит изменение технологии [18]. За единственным исключением все амфоры, найденные на памятнике, изготовлены по новой технологии (донно-емкостная программа), что и определяет нижнюю хронологическую границу их поступления – не ранее 1240 г.

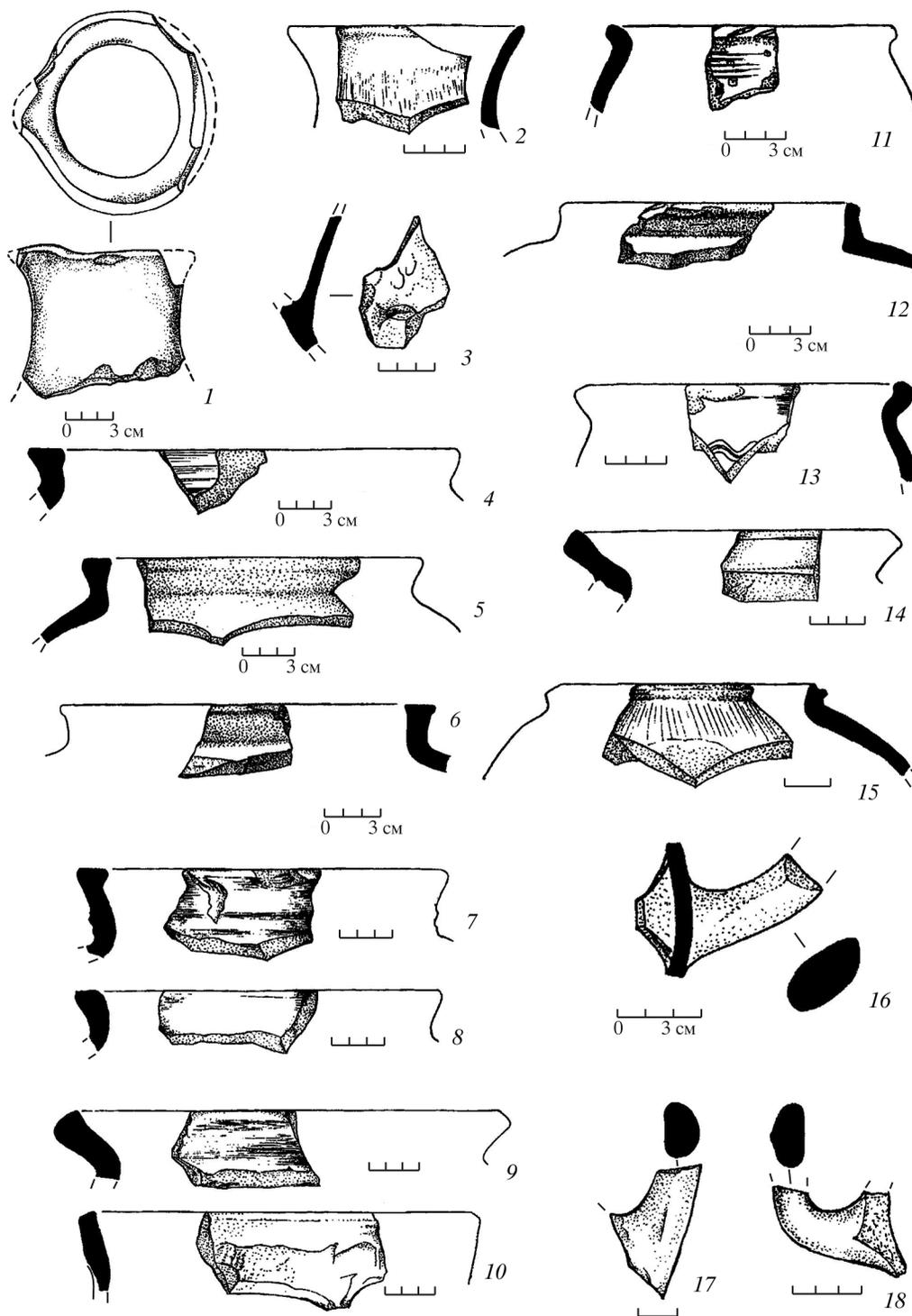
Здесь, однако, следует сделать существенное уточнение. При исследовании памятников X–XIV вв. вся система датировок в настоящее время вынуждена опираться только на один источник – фрагменты привозных амфор. Другие группы керамики узкому датированию не поддаются в силу большей консервативности гончаров, изготавливавших столовую и кухонную посуду. Другие же категории находок малочисленны, происходят с единичных наиболее исследованных памятников. Датировка исключительно по амфорам имеет скрытый изъян. И.В. Волков в своих работах [2, 3] исходит из молчаливого допущения, что на всех поселениях одного хронологического периода амфорная керамика будет составлять примерно одинаковый или по крайней мере сопоставимый процент находок. Но так ли это? Если брать памятники Древней Руси, то, хотя мнение, что амфоры встречаются только в городах, и ошибочно [19], но все же число их находок на селищах неизмеримо меньше. Причем они встречаются на селищах, имеющих особый социальный статус, и не обнаружены в мелких деревнях, и чем удаленнее пункт от места производства, тем меньший процент амфор может там встретиться.

Ясно, что в Подонье ситуация не могла быть принципиально иной. Пусть в силу близости моря амфорной керамики больше на 1–2 порядка, но и здесь её процент напрямую зависел от социально-экономического статуса поселения и особенностей хозяйства населения. Это наглядно видно на примере трех синхронных поселений XII в. – Петровский, Казачий Ерик, Рогожкино XII. На первом доля ам-

фор составляет около 95%, на втором – около 70%, на третьем – около 5%. При этом расстояние между ними составляет всего несколько километров и все они расположены на берегу Дона. Теперь представим себе, что в период существования какого-то поселения его социальный статус, вовлеченность жителей в торговлю или размеры резко изменяются, соответственно, резко меняется объем поступления амфор, да и вообще любых импортов. В этом случае мы получаем иллюзию кратковременности его существования, а единичные амфорные находки других периодов можно объяснить случайностью. Если нам неизвестна серия закрытых комплексов с памятника, а это реальность для подавляющего их большинства, то мы лишаемся возможности уточнить длительность его существования. Еще сложнее обстоит дело с небольшими поселениями, где заведомо процент амфорной тары будет гораздо меньше. Если доля амфор в какой-то период здесь составляла 1–2%, а в нашем распоряжении имеется всего 20 фрагментов керамики из сборов, то правильность датировки становится делом случая. Таким образом, на основании датировки амфорной керамики с уверенностью можно утверждать, что на вторую половину XIII в. приходится расцвет поселения Мартышкина балка.

«Трапезундские» амфоры (рис. 1, 23–27) – 107 ед. (10,5%) (табл. 1). Данная группа изучалась многократно [21–24] и известна в литературе также под описательным названием «амфор с дуговидными ручками». Среди находок с Койсугского поселения зафиксировано использование дополнительного жгута на месте стыковки двух частей сосуда, с образованием складки в нижней части стыковочного валика. Эта фаза в эволюционном ряду развития амфор данной группы относится к периоду после 1240 г. [3]. Однако опять-таки следует отметить небольшой объем выборки и малое число диагностируемых образцов. Практически все находки относятся к небольшим по размеру сосудам, значительный их процент фиксируется и в ранних комплексах Азака, и на всех других памятниках Приазовья XIII в.

Наиболее малочисленны амфоры «триллийской» группы, известные также под описательным названием «амфор с веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками» – 3 ед. (0,3%) (табл. 1). Среди них 1 фрагмент расслоившейся ручки и два маленьких фрагмента стенок. Образцы имеют сиреневый оттенок черепка, что характерно для сосудов этой группы XII века. По сравнению с памятниками XII в. типа Казачий Ерик, для которых эти амфоры являются наиболее характерной [2], а часто самой многочисленной, группой, число находок на поселении Мартышкина балка (Койсугском) ничтожно,

Рис. 2. Керамика Койсугского поселения. 1–18 – 1-я группа керамики постсалтовской гончарной традиции (1–2 – кувшины; 3, 17 – кружки (?); 4–10, 16, 18 – корчаги; 11–15 – горшки)

но позволяет предполагать наличие здесь небольшого поселения уже в XII в.

Продукция двух производственных центров представлена пифосами, имеющими очень близкую морфологию (рис. 1, 28–30) – 35 ед. (3,4%) (табл. 1). Венчик трапециевидный в сечении с

четко выделенными гранями, его диаметр около 23 см. Дно узкое, в форме короткого цилиндра диаметром 8–10 см, частично долепливалось из отдельной порции глины. Пифосы одного центра имеют темно-коричневый черепок со значительной примесью крупной разноцветной дресвы. Сосуды

второго центра имеют бежево-коричневый черепок с примесью кварцевого песка и покрывались светло-оранжевым ангобом. Они также отмечены на поселениях Северо-Восточного Приазовья [2].

После амфор наиболее многочисленна керамика, изготовленная с помощью спирально-жгутового налета с использованием для орнаментации сосудов полосчатого лощения. Генетически она связана с гончарным производством, существовавшим в степи и лесостепи в эпоху салтово-маяцкой культуры. На вопрос о том, сохранялась ли эта традиция в самой степи или вернулась сюда из северокавказских центров, где она существовала непрерывно, в настоящий момент ответа нет. Однако преемственность несомненна и по технологическим признакам, и по приемам орнаментации, и по преобладающим формам сосудов, и по их профилировке. Единственным существенным отличием является изменение цвета сосудов с серой на красно-коричневую гамму. Но это отличие не носит качественного характера, достаточно было поменять газовый режим обжига. Исходя из этого будем называть подобную продукцию керамикой постсалтовской гончарной традиции.

Многочисленной на данном поселении является керамика постсалтовской гончарной традиции без заметной песчанистой примеси (рис. 2; 3, 1–9) – 209 ед. (20,6%) (табл. 1). Вся она изготовлена путем ленточного налета с последующим машинным заглаживанием и профилировкой служебной части сосуда. Черепок коричневый, разных оттенков, вплоть до оранжевого. Формовочные массы не содержат песка, но имеют значительное количество мельчайших чешуек слюды и небольшое количество глиняного концентрата. Найдены сосуды как с четким трехслойным, так и со сквозным обжигом, причем первые преобладают. Судя по очень разному режиму обжига и составу формовочных масс, группа должна быть разделена на несколько подгрупп. Применение ангоба не отмечено. На 57% фрагментов фиксируется лощение, причем на большинстве обломков оно покрывает поверхность сплошь. Характерно отслаивание поверхности. Ассортимент представлен преимущественно кувшинами (рис. 2, 1–2), корчагами (рис. 2, 4–10, 16, 18), горшками (рис. 2, 11–15), миниатюрными чашами. Некоторые миниатюрные кувшины, вероятно, выполняли функции кружек (рис. 2, 3). По столь фрагментарному материалу выстроить морфологическую классификацию затруднительно. Отметим только, что большинство корчаг имеет короткий трапециевидный венчик с широкой и плоской верхней кромкой. Для орнаментации использовался преимущественно зубчатый штамп. Обнаружены следующие орнаментальные мотивы:

прямые линии (рис. 3, 6), одиночные или двойные волнистые линии (рис. 2, 13; 3, 7), одиночные волнистые линии между прямыми (рис. 3, 4–5), оттиски (наколы) зубчатого штампа в сочетании с линейным орнаментом (рис. 2, 11; 3, 2, 3), многорядная волна (рис. 3, 8, 9). Часть этой керамики можно связывать с местным производством.

Второй среди продукции постсалтовской гончарной традиции следует отметить группу, отличающуюся от предыдущей примесью среднезернистого песка в количестве до 10–20% объема формовочной массы (рис. 3, 10–18) – 41 ед. (4%) (табл. 1). Обжиг сосудов, как правило, трехслойный. По своей окраске они не отличаются от сосудов первой группы. Ассортимент представлен преимущественно горшками (рис. 3, 10–17), найдена также корчага (рис. 3, 18).

Для орнаментации использовался зубчатый штамп. Обнаружены следующие орнаментальные элементы: многорядная волна (рис. 3, 14), линейно-волнистый декор (рис. 3, 17), оттиски зубчатого штампа на кромке венчика (рис. 3, 16).

Особняком стоит керамика третьего производственного центра, имеющая четкие отличительные признаки, – 27 ед. (2,7%) (табл. 1). По наличию большого числа раковистых пор и примеси мелкозернистого песка в формовочной массе она близка к продукции Нижнего Поволжья золотоордынского времени. Однако использованы несколько более пластичные глины.

Найдена на поселении и продукция Азака – 66 ед. (6,5%) (рис. 4, 1–4) (табл. 1), обладающая всеми характерными для этого производственного центра признаками. Значительная часть образцов найдена в наиболее позднем комплексе, прорезающем более раннее жилище. Представлена она почти исключительно кувшинами. Естественно, что столь малый объем выборки не позволяет сделать существенных наблюдений. Сам же факт ее наличия указывает на то, что поселение Мартышкина балка (Койсугское) угасло уже после появления Азака, но вряд ли позже, чем самое начало XIV века. На это указывает очень малый ее процент. Обычно на поселениях округа Азака его продукция составляет не менее 50% керамики.

Если не считать тарной керамики, на поселении практически нет импортов из других регионов. Единственным исключением является продукция Юго-Восточного Крыма – 9 ед. (0,9%) (табл. 1). Среди них единственный на поселении фрагмент поливного сосуда – дно с салатной глазурью.

Единственным фрагментом представлена светлоглиняная керамика древнерусского производства – 0,1% (табл. 1). Возможно, сюда же следует отнести единичные фрагменты венчиков красноглиняных

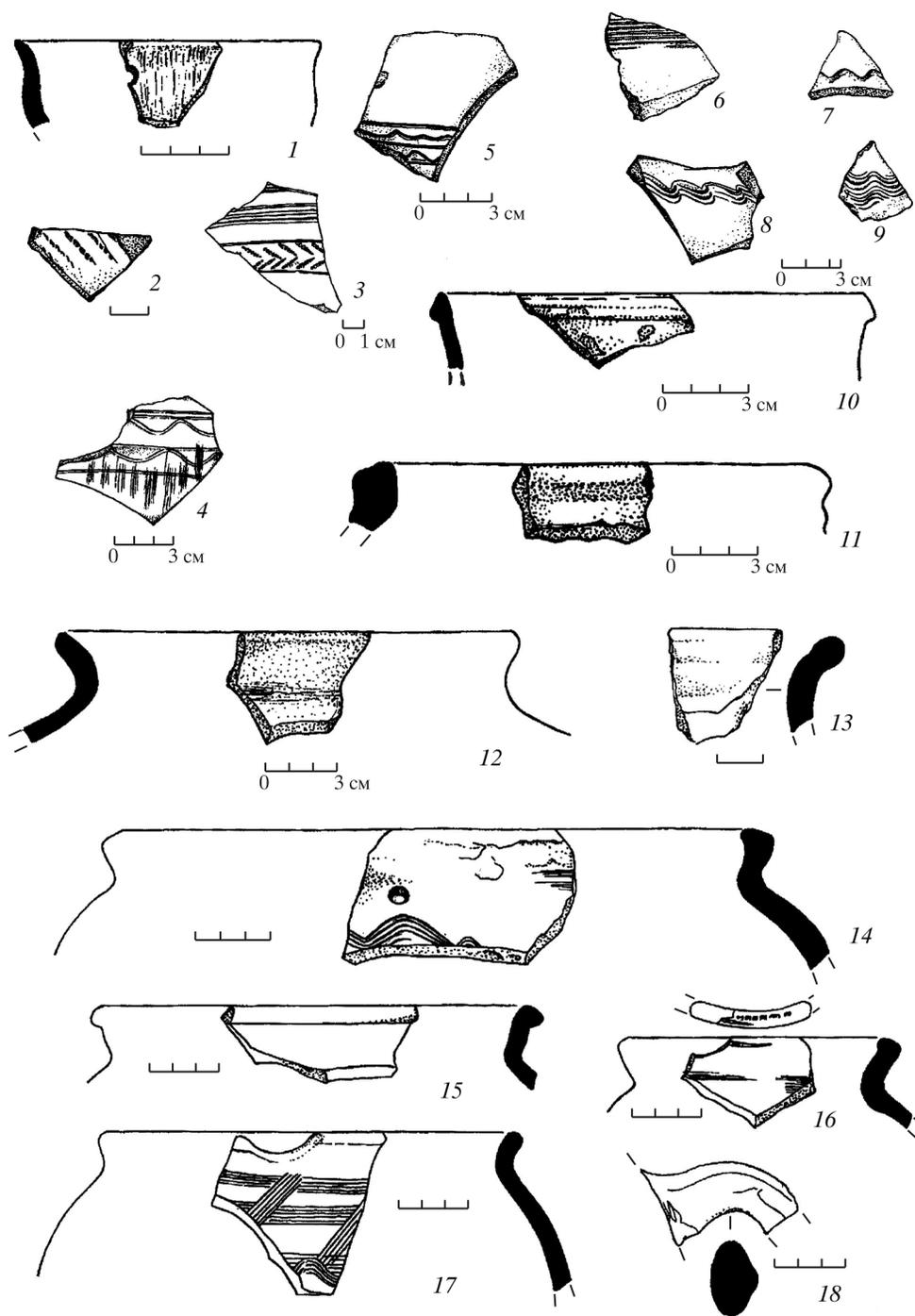

Рис. 3. Керамика Койсугского поселения. 1–18 – 1-я, 2-я группы керамики постсалтовской гончарной традиции (1 – чаши; 2–9 – стенки с орнаментом; 10–17 – горшки; 18 – корчага)

горшков с загнутым внутрь черновым краем венчика (рис. 2, 13; 3, 13). Но все равно приходится констатировать, что русская керамика, представленная в материалах группы Казачий Ерик 2-й пол. XII – нач. XIII вв. [25] и на поселениях Северного Приазовья середины XIII в. [2] на Левобережье Низовьев Дона, кроме самого Азака, крайне малочисленна.

Достаточно многочисленна керамика, не образующая выразительных серий, – 143 ед. (14,1%)

(табл. 1). Большая ее часть также изготовлена мастерами, работавшими в постсалтовских гончарных традициях. Примерно одна треть ее имеет бурую или темно-серую окраску поверхности. Но выделять ее в отдельную группу по этому признаку не целесообразно.

Всего 7 фрагментами (0,7%) (табл. 1) представлена лепная керамика, среди которой венчик миски (рис. 4, 5).

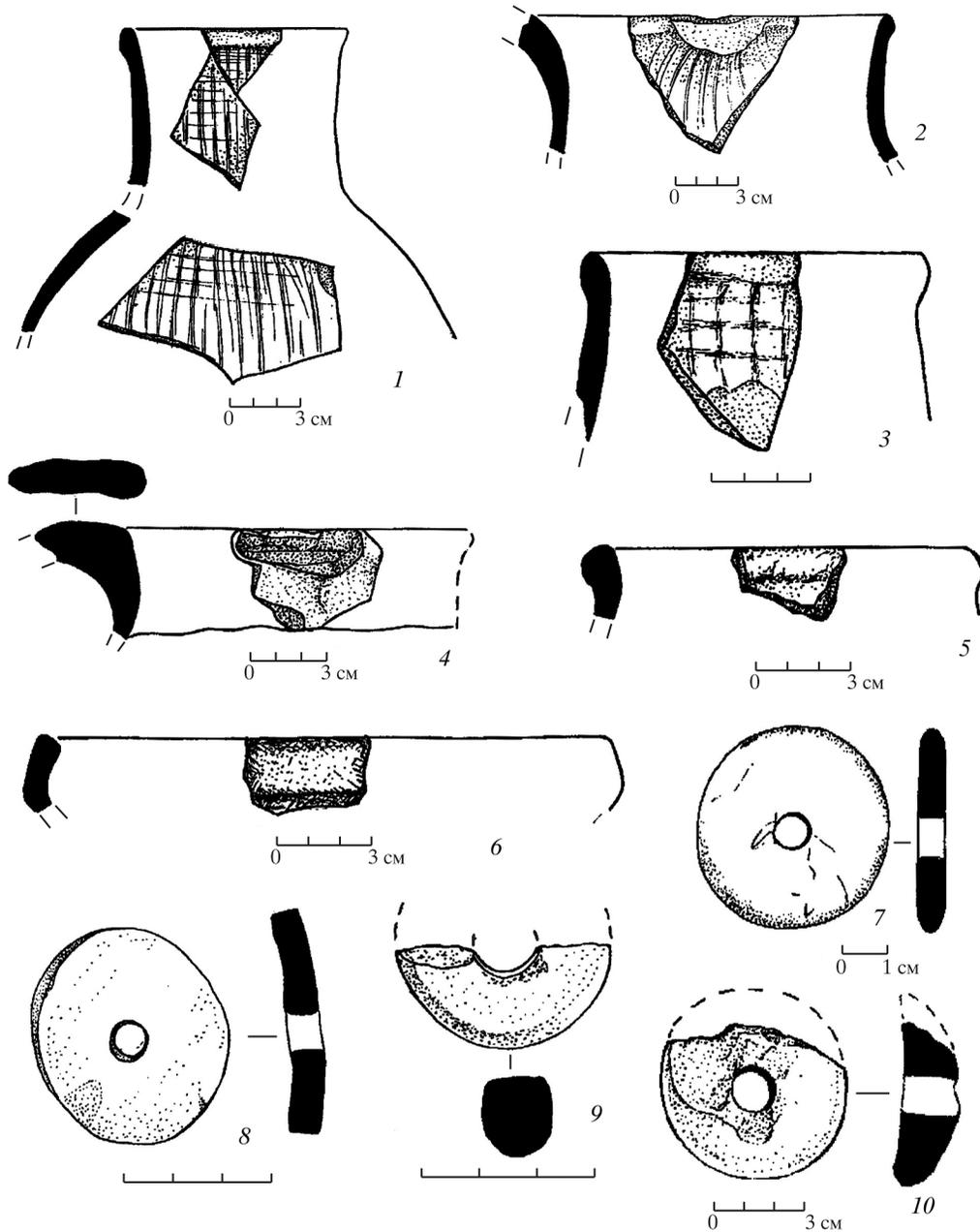

Рис. 4. Керамика Койсугского поселения. 1-4 – керамика Азака, одноручные кувшины; 5 – неизвестный центр, горшок; 6 – лепная миска; 7-10 – пряслица

Насколько можно судить по имеющимся скудным материалам, керамический комплекс Койсугского поселения достаточно типичен для сельских поселений Левобережья низовьев Дона середины XIII века. Он очень существенно отличается и от керамического комплекса Кабарди, и от синхронных материалов Азака по следующим характерным признакам. 1. Практически полностью отсутствуют поливная керамика и вообще импорты из других регионов, кроме тары. 2. Отсутствуют древнерусские горшки. 3. Намного многочисленнее и разнообразнее продукция мастерских, работавших

в постсалтовских гончарных традициях. 4. Количественное соотношение отдельных групп тарной керамики иное.

Еще раз оговоримся относительно датировки памятника. Выше уже указывалось на недостаточность датировок исключительно по амфорной керамике. Не подлежит сомнению, что на середину XIII в. приходится расцвет поселения. И очень значительная доля находок относится именно к этому времени, но данные, полученные в ходе раскопок могильника, и отдельные находки амфор триллийской группы XII в. указывают на то, что небольшое

поселение существовало здесь по крайней мере с конца XII века [13]. На наш взгляд, на это же указывает наличие среди керамики постсалтовской гончарной традиции значительной доли фрагментов с темным окрасом поверхности, при всей относительности этого признака.

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов как частного, так и более общего порядка.

1. Отличия керамического комплекса поселения Мартышкина Балка (Койсугское) от комплекса Кабарди указывают, во-первых, на разницу в этнокультурном составе оседлого населения в Северном Приазовье и на Левобережье Низовьев Дона и, во-вторых, на разницу в их имущественном достатке.

2. В производстве керамики постсалтовской гончарной традиции сохраняются некоторые специфические черты, которые в золотоордынских городах в XIV в. уже не отмечены. Это прежде всего сохранение специализированных мастерских, в которых изготовляли либо столовую (холодную), либо кухонную (горячую) посуду. Но различия между ними уже мало заметны. При этом и та и другая, как правило, обожжены при окислительном режиме. Однако часть керамики еще обжигалась в восстановительной газовой среде. Большая часть, если не все горшки, не имеет ручек.

3. Рассматривая всю группу памятников Левобережья, нельзя не отметить, что одновременно с возникновением Азака в его округе появляется целая сеть поселений. Если до середины XIII в. здесь и существовало оседлое население, то в рассматриваемый период происходит многократное увеличение его численности. В одновременности появления Азака и сельских поселений округи нельзя не видеть результата целенаправленной политики золотоордынских властей по переселению оседлого населения. В дальнейшем, на протяжении XIV в., за немногими исключениями, в число которых попадает и Мартышкина Балка, эта сеть поселений только разрастается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков И.В. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 48–53.
2. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 108–130.
3. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Изд. дом “Стилос”, 2005. С. 122–159.
4. Ларенок В.А. Поливная керамика Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Азов, 1994. Вып. 12. С. 132–136.
5. Ларенок В.А. Поливная керамика средневековых поселений Северо-Восточного Приазовья // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 10. С. 28–36.
6. Ларенок В.А. Средневековые поселения Нижнего Дона // Археологические записки. Ростов н/Д, 2005. Вып. 4. С. 105–109.
7. Ларенок П.А. Охранные раскопки Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Азов, 1994. Вып. 12. С. 75–80.
8. Прокофьев Р.В. Стекланные браслеты Самбекского поселения // Археологические записки. Ростов н/Д, 2005. Вып. 4. С. 120–124.
9. Рязанов С.В. Гончарная печь на Куричанском поселении // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 108–112.
10. Рязанов С.В. Славянское поселение близ г. Таганрога // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов, 1991. Вып. 10. С. 113–114.
11. Гудименко И.В. Итоги археологических исследований отряда «Дельта» экспедиции Азовского краеведческого музея в г. Азове и Азовском районе в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 60–71.
12. Дмитриенко М.В. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов, 2000. Вып. 16. С. 220–225.
13. Масловский А.Н. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып. 14. С. 143–153.
14. Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов, 2006. Вып. 22. С. 257–295.
15. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 278 с.
16. Волков И.В. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории: Тез. докл. конф. (Ростов-на-Дону, апрель 1994). Ростов н/Д, 1994. С. 3–8.
17. Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 91–99.
18. Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев, 2001. С. 130–147.

19. Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М.: Наука, 2003. С. 340–352.
20. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–473.
21. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1989. С. 85–100.
22. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 113 с.
23. Тесленко И.Б. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев, 2001.
24. Gussenin N. Ganos, centre de production d'amphores a Ferooue Byzantine // Anatolia antique (Eski Anadolu). Paris, 1993. Vol. 2. P. 193–201.
25. Гадло А.В. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // Краткие сообщения института археологии. М., 1964. Вып. 99. С. 40–45.

THE CERAMIC COMPLEX OF THE SETTLEMENT MARTYSHKINA BALKA (KOISUG) (THE SECOND HALF OF THE XIII CENTURY)

A.N. Maslovsky

The ceramic complex of the settlement Martyshkina Balka (Koisug), which up to the present moment is a standard for the whole group of sites on the left-bank of the Lower Don, belonging to the first less studied period of the settled way of life on the territory of the Golden Horde is analyzed in the article. A short observation of all groups of ceramics of locally made and imported production, their technique, evolution and chronology is presented in the article. The distinguished features of the complex, making it different from synchronous early materials of Azak and north-western Azov Sea region settlements which first of all lead to their ethnic differences are stressed. The appearance of such groups of settlements was a result of a purposeful policy of the Gold Horde rulers.

Key words: the Gold Horde, amphorae.

REFERENCES

1. Volkov I.V. 1998. [Studies of the Southern Russian complex expedition at the Sea of Azov Region in 1995–1997]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997]. Issue 15. Azov: 48–53. (In Russian).
2. Volkov I.V. 2003. [Settlements of the Sea of Azov Region in the XII–XIII centuries]. In: *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni.* [Russia in the XIII century. Antiquities of the Dark time]. Moscow, Nauka Publ.: 108–130. (In Russian).
3. Volkov I.V. 2005. [Slip ceramics of Kabardino complex (1240–1260)]. In: *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Slip ceramics of the Mediterranean and Black Sea Area X–XVIII centuries]. Kiev, “Stilos” Publishing House: 122–159. (In Russian).
4. Larenok V.A. 1994. [Slip ceramics of Semyonov fortress]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 godu.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1992]. Issue 12. Azov: 132–136. (In Russian).
5. Larenok V.A. 1998. [Slip ceramics of medieval settlements of the North-Eastern Sea of Azov Region]. In: *Drevnosti Kubani.* [Kuban antiquities]. Issue 10. Krasnodar: 28–36. (In Russian).
6. Larenok V.A. 2005. [The medieval villages of the Lower Don Region]. In: *Arkheologicheskie zapiski.* [Archaeological notes]. Issue 4. Rostov-on-Don: 105–109. (In Russian).
7. Larenok V.A. 1994. [Protective excavations of Semyonov fortress]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 godu.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1992]. Issue 12. Azov: 75–80. (In Russian).
8. Prokof'ev R.V. 2005. [Glass bangles of Sambek settlement]. In: *Arkheologicheskie zapiski.* [Archaeological notes]. Issue 4. Rostov-on-Don: 120–124. (In Russian).
9. Ryazanov S.V. 1990. [Pottery kiln in Kurichanskoe settlement]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1989]. Issue 9. Azov: 108–112. (In Russian).
10. Ryazanov S.V. 1991. [Slavic settlement near the city of Taganrog]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1990]. Issue 10. Azov: 113–114. (In Russian).
11. Gudimenko I.V. 1998. [The results of the archaeological research of “Delta” group expedition of Azov Museum of Local History in Azov and Azov Region in 1995–1996]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997]. Issue 15. Azov: 60–71. (In Russian).
12. Dmitrienko M.V. 2000. [Christian burial of pre-Mongol period from the medieval ground burial Martyshkino Beam]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1998 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1998]. Issue 16. Azov: 220–225. (In Russian).
13. Maslovskiy A.N. 1997. [The ground burial “Martyshkina Balka” and its place among the pre-Mongol time monuments of the Lower Don Region (to the problem)]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 1994]. Issue 14. Azov: 143–153. (In Russian).
14. Maslovskiy A.N. 2006. [About the age of Azak occurrence]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 2005]. Issue 22. Azov: 257–295. (In Russian).
15. Bobrinskiy A.A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: istochniki i metody izucheniya.* [Pottery of Eastern Europe: sources and studying methods]. Moscow, Nauka Publ.: 278 p. (In Russian).

16. Volkov I.V. 1994. [Imports from the Holy Land? (Amphora of SSS group stigma in the Northern Black Sea Region and the cities of Ancient Russia)]. In: *Problemy istorii: Tez. dokl. konf. (Rostov-na-Donu, april' 1994)*. [*Problems of history. Abstracts of the conference (Rostov-on-Don, April 1994)*]. Rostov-on-Don: 3–8. (In Russian).
17. Volkov I.V. 1996. [Amphorae from Velikiy Novgorod and some notes about the Byzantine-Russian wine trade]. In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya*. [*Novgorod and Novgorod land. History and archeology*]. Issue 10. Novgorod: 91–99. (In Russian).
18. Volkov I.V. 2001. [On the origin of the two groups of medieval stamped amphorae]. In: *Morskaya trgovlya v Severnom Prichernomor'e*. [*Maritime commerce in the Northern Black Sea Region*]. Kiev: 130–147. (In Russian).
19. Koval' V.Yu. 2003. [Amphorae of Byzantine cultural circle in medieval Russia (X–XIII centuries)]. In: *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni*. [*Russia in the XIII century. Antiquities of the Dark time*]. Moscow, Nauka Publ.: 340–352. (In Russian).
20. Maslovskiy A.N. 2006. [The ceramic complex of Azak. A brief characteristic]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [*Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don in 2004*]. Issue 21. Azov: 308–473. (In Russian).
21. Volkov I.V. 1989. [Import amphora tare from the Golden Horde city Azak]. In: *Severnoe Prichernomor'e I Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv.* [*Northern Black Sea and the Volga Region in the relations between East and West in the XII–XVI centuries*]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publishers: 85–100. (In Russian).
22. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiyskogo Khersona*. [*Amphorae from the Byzantine Kherson complexes*]. Ekaterinburg: 113 p. (In Russian).
23. Teslenko I.B. 2001. [Medieval amphora's stamps from the excavations of the Aluston fortress]. In: *Morskaya trgovlya v Severnom Prichernomor'e*. [*Maritime commerce in the Northern Black Sea Region*]. Kiev. (In Russian).
24. Gunsenin N. 1993. Ganos, centre de production d'amphores a Fepooue Byzantine. *Anatolia antique (Eski Anadolu)*. Vol. 2. Paris: 193–201.
25. Gadlo A.V. 1964. [Settlement of XI–XII centuries in the Don delta]. In: *Kratkie soobshcheniya instituta arkhologii*. [*Brief communications of Institute of Archaeology*]. Issue 99. Moscow: 40–45. (In Russian).